

Старуха говорила со знанием дела: «Всё это ваша невестка из второй ветви семьи разболтала, и рассказывала так, будто сама всё видела. Говорит, в тот день, когда Чанцину голову проломили, его жена, госпожа Гао, выбежала из вашего двора в растрёпанном виде, рыдая, словно с ней случилось великое горе. Ещё сказала, будто это из-за того, что вы к ней приставали, Чанцин и взъярился, решил забрать двор обратно и не давать вам там жить. А в день, когда договаривались о переезде, вы на госпожу Гао так похабно смотрели, что она и слова вымолвить не посмела, только голову отворачивала да слёзы утирала.»

Этот бред про то, будто он, старший брат, домогался жены младшего, вызывал у Цзи Жаня чувство, которое и описать-то невозможно.

«Само собой, мы таким речам не верим. Лэн Сянлянь всегда была сплетницей, на всю деревню известная своей злоязычностью. Да и я, старуха, хоть и недалёкого ума, но в людях кое-что понимаю. Ты, парень, хоть и несчастной доли, но с виду — человек правильный, воспитанный да старательный. Не я одна, мой старик, услышав это, в доме аж взбеленился, всё тебя защищал да ругался.» Старуха, покосившись на лицо Цзи Жаня, сменила тон: «Но, знаешь ли, если мы не верим, найдутся те, у кого уши на макушке. Один не поверит, другой — усомнится, а как пойдёт молва да перевираться начнёт, так и полуправда за правду сойдёт. Ты и не знаешь, наверное, что сперва-то говорили лишь, будто ты госпожу Гао обидел. А теперь, за эти пару дней, уже всю судачат, будто ты с ней и вовсе всё сделал.»

Старуха к тому времени уже дополоסקала бельё, поднялась с корытцем в руках.

«Ты не горюй, правда своё возьмёт. Белое чёрным не станет, а чёрное — белым не сделаешь. Эх... Говорят, вдовье житьё — что мышь в сыру: везде тупик. А вижу я, будь ты мужик али баба, коли на тебе такое клеймо поставили, — всюду тебе ходу нет!» — вздохнула старуха и, не дожидаясь ответа Цзи Жаня, развернулась и пошла прочь.

Цзи Жань остался на берегу, вперяясь в воду. Сердиться ему было как-то не очень, ощущалось скорее полное, блин, абсурда. Вот так взять и оклеветать человека! Лэн Сянлянь — та ещё мастерица!

Но в глубине души Цзи Жань отлично понимал: корень всего — в самой Гао Хуэй. Не подкинь она нарочно поводов, не выстави напоказ эти «улик», хоть тресни Лэн Сянлянь от злоязычия — не состряпала бы она такой истории.

Цзи Жань не мог взять в толк, что творилось в голове у этой женщины. Ведь времена-то не нынешние, в старину за прелюбодеяние, кто бы ни был виноват, женщину — в воду, в мешке. Неужели она так своим добрым именем пренебрегла, лишь бы его очернить? Да ради чего? Неужели просто отомстить, что выгоды не получила?

В общем, больше, чем злости, эта история вызывала у Цзи Жаня тошноту.

Вообще-то, с Лу Чжэнем под боком, таким скрытым подспорьем, разузнать что-либо было проще простого — стоило ему в толпе появиться, и все новости как на ладони. Но, как на грех, несколькими днями ранее Лу Чжэнь сказал, что ему нужно отлучиться на несколько дней. Цзи Жань, в делах потусторонних не смысля, и спрашивать не стал. И вот результат: шум поднялся на всю деревню, а он, главный участник событий, пребывал в полном неведении. Лишь сегодня узнал, что к чему. Чёрт бы побрал эту ситуацию!

Но ещё большее раздражение ждало его впереди: он ещё не собрался с силами, чтобы в семье Лу разобраться, а они уже сами на пороге объявились. Явился не кто иной, как муж Гао Хуэй, Лу Чанцин.

— Братец Цзи, беда! Лу Чанцин твой дом громит! Беги скорее, глянь! Ох, и чудит же он, словно бешеный, орёт, будто ты его жену обидел и жизни он тебя лишит!

Цзи Жань как раз возвращался с реки, где бельё полоскал, и на полпути ему навстречу, сломя голову, бросился босоногий мужик средних лет. Завидев Цзи Жаня, ещё издали закричал.

Лицо Цзи Жаня тут же перекопилось, он уже бросился было бежать домой, но тот схватил его за руку.

— Ты один не справишься, позови деревенского старосту!

— Спасибо! — Цзи Жань рванул к дому старосты, отбежал изрядно и лишь тогда сообразил, кто этот человек. Остановился, обернулся и крикнул вслед:

— Дядя Гао Дачжуан, спасибо вам!

Звали этого человека Гао Дачжуан, как раз из той семьи, с которой Цзи Жань дичь на провизию менял. Кроме старосты, это был, пожалуй, единственный человек в деревне, чьё лицо Цзи Жань помнил и с кем хоть пару слов мог перекинуться. В последние дни, когда вся деревня его пересудами занималась, люди либо за спиной пальцем показывали, либо стороной обходили. А Гао Дачжуан за толпой не потянулся, в нужный момент предупредить прибежал. Цзи Жань был искренне благодарен, что бы там ни было — эту доброту он запомнил.

Когда Цзи Жань ворвался во двор к старосте, тот сидел на корточках на своём треугольном огорожке у забора, полон сорняки. Увидев Цзи Жаня, вбежавшего как угорелого, удивился, инстинктивно швырнул сорняк и поднялся.

— Братец Цзи, что случилось? Отчего вид такой перепуганный? Неприятность какая? — спросил староста, выходя с грядки, подошёл к деревянному ушату, помыл руки и обтер их об одежду.

Цзи Жань в двух словах пересказал старосте то, что только что услышал от Гао Дачжуана. Выслушав, староста тут же помрачнел и, не говоря ни слова, пошёл вместе с Цзи Жанем.

Выйдя со двора старосты, они направились напрямик к временной постройке Цзи Жаня. Проходя мимо дома семьи Гао, они увидели, как Гао Дачжуан с двумя сыновьями выскочили оттуда, каждый с дубиной в руке.

— Братец Цзи, мы с сыновьями идём с тобой! — Гао Дачжуан, здоровенный детина, вытаращил глаза, и в гневе выглядел он весьма внушительно.

Цзи Жань и вправду не ожидал, что Гао Дачжуан с сыновьями, посторонние ему люди, настолько за него вступятся. На сердце стало тепло, но втягивать их в свою склоку он не хотел. Семья Лу была грубой и беспринципной, кто с ними свяжется — сам в дерьме вымажется. Но не успел он отказаться, как старший сын Гао Дачжуана, Гао Лян, хлопнул его по плечу.

— В прошлый раз твой заяц здорово помог — жена после родов окрепла, молоко появилось, наш малыш с голоду не помер. Мы эту доброту помним. Сегодня у тебя беда, мы в стороне не останемся!

Цзи Жаня эти слова смутили и даже пристыдили. Менялка товара на товар — дело обычное, каждая сторона своё получает, разве можно это за такую большую благодарность считать?

Но раздумывать было некогда. Гао Дачжуан дёрнул его за руку:

— Чего молодой да мешкаешь? Ещё помедлишь — и крышу с дома снесут!

— Дачжуан прав, давай, пойдём скорее! Чем нас больше, тем сподручнее, — поторапливал и староста.

Тут уж Цзи Жань перестал церемониться и вместе со всеми пустился бегом.

Ещё издали они услышали из-за временной постройки грохот и треск — особенно резали слух звуки бьющейся утвари. Лицо Цзи Жаня стало мрачным, как туча. До Лу Чанцина, увлечённого погромом, было ещё далековато, но Цзи Жань, недолго думая, швырнул в него деревянный таз, что под мышкой нёс. Таз угодил Лу Чанцину в спину — Цзи Жань целился в голову, но не долёт.

Однако и этого хватило: Лу Чанцин, не ожидавший подвоха, от удара пошатнулся. Обернувшись и увидев Цзи Жаня, он с кровожадными глазами, без лишних слов, замахнулся дубиной и бросился на него.

— Лу Чанцин, как ты смеешь! — у старосты дёрнулся глаз, и он рявкнул громовым голосом.

Этого окрика хватило, чтобы Лу Чанцина остановить, но пыл его не угас. Он смотрел на Цзи Жаня с дикой злобой, скулы были сжаты так, что мышцы на щеках задеревенели, — казалось, он готов был разорвать Цзи Жаня на части. Вид был отвратительный.

— Это дело нашей семьи Лу, остальным не вмешиваться! — Лу Чанцин ткнул дубиной в сторону Цзи Жаня. — Этот Цзи Жань посмел тронуть мою жену! Сегодня он даст ответ, а не то я его прикончу!

Не успел он договорить, как Цзи Жань внезапно выхватил дубину из рук Гао Дачжуана и со всего размаху ударил Лу Чанцина по голове. Движение было таким быстрым, что никто не успел среагировать.

Как говорится, кто первый начал, тот и прав. Сначала надо оглушить, а потом уже учинять расправу.

В обычное время Лу Чанцин вряд ли бы от одного удара зашатался, но кто велел ему несколько дней назад голову свою «покалечить»? После удара Цзи Жаня он тут же пошатнулся и шлёпнулся на землю, схватившись за лоб, и долго не мог прийти в себя.

Но Цзи Жань на этом не остановился. Увидев, как всё вокруг перевёрнуто вверх дном и изломано, он пришёл в ярость. Набросился на Лу Чанцина, уселся ему на поясницу, вцепился в воротник и принялся молотить по лицу.

<http://bllate.org/book/16271/1464357>